

*Поэт и публицист Сэда Вермишева
и главный редактор журнала «Берега» Лидия Довыденко
беседуют о причинах и следствиях демонтажа СССР*

– Сэда Константиновна, вопрос трансформации Российской Империи в Советский Союз с последующим дроблением его территории на независимые суверенные государства оказался темой, требующей продолжения.

– Тема эта – тесто, которое заберёт ещё много воды. В прошлом разговоре мы остановились на сталинском периоде Советского Союза, включающем и Отечественную войну. Именно тогда удалось восстановить страну почти в тех границах, которые она занимала до 1917 года и создать сбалансированную систему противостояния внешней угрозе. Но анализ ситуации в Российской империи, как перед Октябрьской революцией, так и во время гражданской войны показал, что внутренние угрозы в случае их игнорирования или непринятия своевременных мер таят в себе не меньшие, если не большие угрозы, чем внешние...

– И подтверждение тому – послесталинский период Советского Союза, ставший медленным сползанием в бездну Беловежской пуцци?

– Произошло оно не сразу, а примерно через 40 лет после смерти Сталина и через 16 лет после подписания 1 августа 1975 года руководителями тридцати трёх европейских государств, включая СССР, а также

США и Канаду, Хельсинкского Заключительного акта о незыблемости государственных границ по итогам Второй мировой войны. Беловежские соглашения от 8 декабря 1991 года были подписаны в нарушение как Хельсинкского акта, так и более близкого к нашим дням Закона СССР от 03.04.1990 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР».

– Как Вы прокомментируете итоги Всесоюзного референдума от 17 марта 1991 года?

– Тогда население СССР почти поголовно проголосовало за сохранение Советского Союза, потому что в народном сознании, как, впрочем, и в моём он был, и до самого последнего момента оставался «Союзом нерушимым». И слова эти звучали не фальшиво.

– Но какая почва была для игнорирования результатов голосования в 1991 году?

– Менялось руководство страны, давали знать о себе прошлые ошибки, совершались новые, мельчал размах, исчез масштаб, достойная мотивация действий. На каждом шагу нас поджидали транспаранты о надоях молока, по которым почему-то надо было во что бы то ни стало догнать и перегнать Америку, шла профанация идеалов и переформатизация их в идеалы материалистические. Дегероизировалось прошлое, духовные ценности трансформировались в материальные. Заслуженно нарастало плохо скрываемое негативно-насмешливое отношение в обществе к руководству страны, к коммунистической партии. Вертикальная мобильность по отрицательному признаку при формировании кадров приносила свои печальные плоды, диссидентские же настроения в обществе росли, охватывая всё более широкие слои населения и сферы общественной жизни.

– Но ведь никто не подвергал сомнению территориальное устройство страны?

– На это было много причин и, прежде всего, восторг пробуждения национальных сил и энергий, поэтому как гром среди ясного неба прозвучало заглавие ходившей по рукам в Москве статьи известного диссидента Андрея Амальрика, написанной им ещё в 1969 году: «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Прочитать её мне довелось только в 1976 году. Помню, как

в моей ереванской квартире раздался телефонный звонок и незнакомый голос сообщил, что имеет кое-что мне передать. Это оказались статьи основателя и руководителя Московской Хельсинкской группы Ю. Орлова, а также Сахарова, Щеранского и других диссидентов, в том числе и того самого, заинтересовавшего меня, Андрея Амальрика, задавшего вопрос: «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»

– *Какое впечатление произвела на Вас статья Амальрика?*

– Статья произвела сильное впечатление – она отличалась от других, имевших хождение в диссидентских кругах статей, которые носили, в основном, правозащитный характер. Амальрик же задавался вопросом правомерности существования Советского Союза как такового, а не критикой отдельных его недостатков. Из этой статьи в памяти осталась фраза: «Развал Советского Союза начать с национальных окраин». Сейчас такой фразы в этой статье, размещённой в интернете, я не нашла. И потому мне придётся, в меру возможностей моей памяти, рассказать о личном знакомстве с Амальриком, произошедшем вскоре после того, как я получила и прочла его статью и его высказывания на тему развала СССР. А было это так. Поздним вечером, ближе к ночи, в моей ереванской квартире опять – телефонный звонок, и школьная подруга, с которой мы лет двадцать как не виделись, сообщила мне, что к её соседу приехали гости, а он в отъезде. Но у гостей – мой номер телефона, и они попросили её связать их со мной. Себя назвать гости отказались, сказав, что, увидев их, я их узнаю. Недолго думая, я взяла такси и поехала по адресу, где находились эти неожиданные загадочные гости.

Дверь открыла приятельница. Из-за её спины вышел человек приятной наружности, и с улыбкой протянув мне руку, представился: Андрей Амальрик. Мы обменялись рукопожатием. Вскоре Андрей и его жена – художница, красавица Гюзель – уже пили чай у меня дома. Из разговора с Андреем я узнала, что он совсем недавно вышел из заключения, и теперь органами госбезопасности ему предложен выбор: остаться в СССР и жить в стокилометровой зоне или навсегда покинуть Советский Союз. Он выбрал второе, предварительно испросив разрешения: на прощанье побывать в различных точках СССР. И одной из таких точек им был выбран Ереван, а ереванские адреса, в том числе и мой, он получил, вернее всего, у того же Юрия Орлова, председателя Хельсинкской правозащитной группы Москвы, ранее приславшего мне статью Амальрика.

– *Если коротко, то какова была суть вашего разговора?*

– Мы поговорили на литературные и политические темы. В литературе наши вкусы не сошлись, и хвалить его пьесы, которые мне довелось мельком прочесть, и которые были поставлены за рубежом, я не стала, и он, видя мой настрой, или отсутствие такого, разговора на литературные темы не продолжил. Политики мы коснулись основательнее. Амальрик спросил меня напрямую – **не хотела бы я, чтобы Армения вышла из состава СССР и стала независимым самостоятельным государством?** Я ответила отрицательно. Он удивился и попробовал увлечь меня перспективами независимого существования Армении.

– *Каков же Ваш был ответ, как Вы объяснили отрицательное отношение к независимости Армении?*

– Мой ответ ему был короток, он состоял из двух слов: «Посмотрите на карту». А политическая карта христианской Армении – это отсутствие общей границы с христианской Россией и наличие таковой с исторически враждебными мусульманскими государствами: Турцией и Азербайджаном, а также мусульманским Ираном и, хоть и христианской, Грузией, позиция которой всегда носит сугубо конъюнктурный характер. Амальрик, политик с ног до головы, в отличие от других знакомых мне диссидентов, озабоченных, в основном, как я уже писала, соблюдением в СССР прав человека, понял меня с полуслова и попросил в таком случае познакомить его с национально-ориентированными людьми Армении. (Получалось, что я к разряду таковых не отношусь.) А на его просьбу я ответила: «Не познакомлю». В голове за эти несколько минут я перебрала целый ряд знакомых знаковых фигур, которых можно было бы отнести к «национально-ориентированным» (в понимании Амальрика) людям, с которыми я могла бы его познакомить, но решения своего не изменила. «Не познакомлю», – повторила я и добавила: «Но Вы мой гость, и я готова и постараюсь в силу своих возможностей показать Вам Армению и её достопримечательности». Мой брат помог мне в этом. Кроме того, опасаясь за меня, брат предложил Амальрику и его жене Гюзель перебраться, в интересах безопасности, к нему на квартиру, так как брат жил

в центре города, и дома у него была собака. Как-то раз они заехали за мной и стали уговаривать меня не идти на работу, а поехать с ними по Армении. При всей заманчивости предложения я отказалась, сославшись на занятость по работе. Андрей поинтересовался, что это за работа. Я объяснила, что Армения – страна, богатая источниками минеральной воды, но в республике нет кварцевого сырья для изготовления стеклотары, и практически минеральные воды пропадают впустую, а я занимаюсь обоснованием возможности изготовления стеклотары для её розлива из местного сырья. Амальрик усмехнулся и тихо сказал: «Чем хуже, тем лучше». «Я так не думаю», – так же тихо ответила я..

– Вы потом осмысливали эту встречу, делали выводы?

– Этот разговор стал разделительной чертой между мной и диссидентами, для которых «Чем хуже, тем лучше» звучало, как заповедь. Я же думала по-другому. Так думал и круг людей, с которыми я впоследствии сходилась в своих убеждениях и с которыми, однажды встретившись, на всю жизнь сохранила дружбу.

Но вернёмся к тем дням, когда Андрей и Гюзель, объехав всю Армению, сделав много фотографий, собрались уезжать. Провожать их в аэропорт я поехала со своей подругой. Были опасения, что в аэропорту при вылете их могут задержать. Но всё прошло спокойно. При проверке ручной клади у них были изъяты фотографии с видами Армении. Гюзель крикнула в лицо досматривающим что-то дерзкое и вызывающее. Мы с подругой замерли. Но всё обошлось – они улетели. Через какое-то время я услышала, что в Ереван они прилетели не из Москвы, а из Грузии, где гостили у будущего президента Грузии Гамсахурдия. Потом до меня дошли слухи, что Амальрик погиб в Испании, уснув за рулём, в автомобильной катастрофе. Не так давно услышала, что во Франции умерла его жена Гюзель. И теперь, много лет спустя, мне приходит на ум много вопросов. Мне же тогда за молодостью лет и житейской неопытностью пришёл на ум только один вопрос, который я и задала начальнику службы безопасности Первого секретаря ЦК Компартии Армении (он был младшим братом одной из моих одноклассниц). «Алик, – спросила я его, – а почему вы меня не арестовываете?» Он ответил: «Приказа нет». Я поинтересовалась: «Приказа Москвы или Армении?». «Москвы», – сказал он. «А если будет приказ Москвы – арестуете?», – любопытствовала я. «Конечно», – ответил он, не задумываясь. Как коррелирует то давнее «нет приказа» с тем, что на политической карте мира больше нет Советского Союза?

– Благодарю Вас, дорогая Сэда Константиновна, а на Ваш вопрос, думаю, попробуют ответить читатели, чтобы продолжить нашу беседу в следующем номере.